

НАТИК МАМЕДЛИ
РАССКАЗЫ

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

День убийства Мольера

Я увидел там похороны культуры.

Он довольно долго не мог поверить в ответ, полученный от главного режиссера театра. Телефонный разговор оказался очень кратким; вопреки ожиданиям, не было надобности как-то обстоятельно себя представлять, говорить какие-то приятные слова. Как только режиссер услышал, что он молодой драматург, завершивший свою первую пьесу, тут же обрадованно посоветовал срочно принести произведение в театр и предъявить Худсовету. Молодой автор даже подумать не мог, что дела пойдут настолько быстро. Неужели без всяких рекомендаций, будучи чуть ли не человеком с улицы можно получить одним телефонным звонком согласие главного режиссера самого знаменитого театра страны? Неужели он столь близок к осуществлению своей цели, о которой приходилось только мечтать? Он принялся упрекать себя за то, что месяцами хранил в долгом ящике давно дописанную пьесу. Всё началось с интервью режиссера газете; листая газету, он очень рассердился на писателя, который опубликовал на всю газетную полосу бородатые анекдоты, преподнося их как свежие свои рассказы, но интервью режиссера на следующей полосе под заголовком «Мы в поисках молодых талантов» обрадовало его и подарило надежду. Прославленный режиссер, который в то же время являлся худруком знаменитого театра страны, говорил, что они находятся в поисках молодых авторов, и что даже подготовили стратегический план с целью выявления новых талантов, и неоднократно повторял, что двери священного храма искусства открыты для всех подающих надежды литераторов. Молодой писатель был на седьмом небе от счастья, после положительного ответа в его ушах шумели пламенные аплодисменты зрителей прошедшей с аншлагом премьеры, он даже встал перед разбитым зеркалом в своей комнатке и отвесил несколько поклонов. Некогда видимые лишь ему одному туманные мечты превратились теперь в порхающих в чистом небе ласточек, возвещающих приближение весны.

Больше собственного интервью режиссеру понравились рассказы неизвестного ему доселе автора в представлении именитого критика, известного своей принципиальностью и графоманией. Ему казалось, что он всё это уже читал, уже слышал, но главным было не содержание текстов, но само представление критика. Профессиональное чутье диктовало ему, что здесь что-то есть. Да и во вступительной заметке он так и написал: «...в этих рассказах – плодах таланта и бессонных ночей – что-то есть...» Но что?

Их встреча состоялась без проволочек, журналист, взявший интервью у режиссера, тут же отыскал номер телефона писателя, а писатель примчался в театр, будто только и делал, что ждал этого звонка. Беседа между литераторами и представителями сцены обычно проходит напряженно. Когда в беседе наступает момент выяснения того, что возникло раньше – литература или театр, то есть курица или

яйцо – лучше будет если одна из сторон проявит благородство и отступит назад, в противном случае беды не миновать. Но беседа режиссера с писателем заладилась с самого начала, встреча сопровождалась взаимными комплиментами, и потому обоим казалось, что они уже встречались прежде, но только вот вспомнить, когда это случилось, не могли.

– Честно говоря, я не знаю, почему пишу, – скромничал писатель, – порой мне кажется, что всё это уже давным-давно кем-то написано, а я всего лишь переписываю этот текст.

– Удивительно, – промолвил с изумлением режиссер. По мере того, как говорил писатель, он ощущал себя не главным режиссером крупного театра, а журналистом, вымолившим у Фолкнера после долгих отнекиваний согласие на данное наспех интервью, и, кажется, был доволен этим своим положением. – И вправду, такое случается, не знаешь, зачем и почему, но всё-таки пишешь.

– Да, вот и у меня всё так, я никогда не обращал внимания на то, что пишу. Я мыслю в процессе письма. Дома у меня целый сундук текстов, но до сих пор нет изданной книги. В конце концов наш уважаемый критик меня уломал: «Отбрось свои комплексы, ты нужен литературе». Да, так и заявил. И вот уже в этом году готовят к печати три мои книги – два сборника повестей и один – рассказов. А в следующем году выйдут два моих романа. А еще через год...

– Вы работаете и в крупном жанре? – на сей раз режиссер прикинулся восхищенным пионером, задающим вопрос самому Шолохову.

– Я не думаю о жанре, я просто пишу, пусть критики навешивают ярлыки. Предисловия ко всем моим книгам уже готовы.

– Вот, оказывается, как...

– Конечно, после того, как книги выйдут, появятся еще отклики. Затем мы соберем все эти отклики и рецензии в отдельный сборник. Короче говоря, планов у меня хоть отбавляй. Вот в такую именно минуту вы и набрали мой номер. Честно говоря, я и не ждал, что так скоро привлеку к себе внимание.

– Я не мог вас не искать. Знаете, талант...

– Да, да, именно талант. Я не могу выразить этого словами. Знаете, критик говорит, в моих текстах что-то есть...

– Совершенно верно! – на сей раз режиссер собрал всё свое театральное мастерство и встал с места, профессионально чутье подсказывало: если сейчас он не произнесет ошеломляющий монолог, то цель упущена. – Что-то есть! А мы именно это и ищем. Нам именно это «что-то» и требуется. У вас неповторимый стиль, ваши тексты обладают как сакральным, так и мифологическим пластом. Слова, которые вы употребляете, многоплановы, полифоническая манера ощущается с первых же фраз ваших рассказов. Я при первом же прочтении смог уловить драматургическую линию ваших рассказов, скажу прямо, я не могу читать такие произведения без внутреннего трепета. Правда, вы глубоко прорабатываете идею, но находите такие простые решения сложнейших конфликтов, что это просто поразительно. Я чувствую в ваших произведениях театральное настроение, нельзя держать их взаперти, под книжной обложкой, надо выпустить их на сцену...

Когда режиссер встал с места, писатель подумал, что беседа затянулась и пора уходить, но, оказывается, всё только начиналось. Под неожиданным ударом монолога ему поначалу показалось, что в него ударила молния, ему даже захотелось кинуться бежать. Затем, поняв, что речь идет именно о нем, он понемногу взял себя в руки и оперся подбородком на руку. В такой позе он и вправду походил на писателя, и именно в этой позе его фотография должна была украсить обложки предстоящих книг. Тон голоса режиссера, сопровождаемая убедительной мимикой, становился всё резче и внушительней, и с каждым витком в молодом авторе крепла вера, что он действительно писатель, а под конец монолога эта вера стала незыблемой.

– ... у вас глубокая идея, а конфликт разработан так мастерски, что грех оставлять его в одном формате рассказа. Вы меня понимаете? – наконец раскрасневшийся режиссер закончил свой монолог и сел. В последний раз он был таким раскрасневшимся на защите дипломной работы, в качестве темы для которой был выбран монолог Гамлета.

– Понимаю..., – проямлил писатель. Он думал, что сказать, как быть, чтобы выйти из этой малопонятной ситуации, – то есть, вы хотите сказать, что прямо-таки...

– Конечно, прямо-таки.

– А это как – прямо так?

– А как вы хотите?

– Прямо так?

– Конечно?

– То есть?..

– Давайте поставим ваше произведение.

– А, вот вы о чем...

– Ну да.

– Давай тогда говорить прямо.

– Я тоже люблю прямой разговор.

– Ну, раз любишь, – так и говори, дорогой, а то начал... Я было уже подумал, ты репетируешь.

– Нет, что вы.

– Не обижайся, эти артисты ведь немного того... Не обиделся, дорогой?

– Нет-нет, извольте.

– Так и скажи, хотим показать театр... Ладно, как ты собираешься это делать?

Разве из рассказа можно театр сделать?

– Почему нет, я из таких вещей театр делал, что...

Дополнительный художественный материал для предстоящего спектакля не понадобился, было решено начать работу на основе напечатанных в газете рассказов. Все творческие вопросы режиссер взял на себя, а писатель сказал, что будет время от времени наведываться на репетиции и поправлять диалоги. Творческий процесс начался невероятно бурно, почти всем знаменитым актерам страны достались роли. Сцена должна была поражать своим необычным оформлением: на заднем фоне от начала представления и до самого конца должно было крутиться без постоянной помощи гигантское колесо, предназначение которого оставалось неясным; слева должны были возвышаться символизирующие непрерывной ход времени куранты величиной с кремлевские, но только отсчитывающие время обратно; по мере смены действий герои должны были менять современную одежду на древние облачения; по специальному заказу был закуплен сухой лед для усиления дымовой завесы, которая несколько раз должна была окутывать сцену; было решено воспользоваться помощью каскадеров, когда в кульминационный момент героям предстояло взмыть над сценой. Режиссер применил гениальную находку в оформлении массовки: тринадцать актеров – по числу написанных писателем рассказов – должны были словно призраки выйти из зала на сцену. Режиссер сказал, что это называется интерактивным методом и убедил писателя, что данный метод применяется в истории отечественного театра впервые. Несмотря на официальный госзаказ, писатель покрыл все расходы на инсценировку из своего кармана, но один вопрос всё-таки не давал ему покоя.

– Разве так и ставят театр? – спросил он у режиссера на банкете, который дал всей труппе после главной репетиции. – Непростая у вас работа.

– Ну, как непростая, знаете, будь меценатство, культура задышала бы полной грудью, – сказал режиссер.

- Будь что?
- То есть нужна, так сказать, поддержка...
- Понимаю, я всё прекрасно понимаю, но должен снова спросить, неужели у этого спектакля найдутся зрители?
- Ну что вы, что вы? Конечно, найдутся, вот увидите, будет аншлаг, то есть, придет много людей. По поводу зрителей можете не беспокоиться.
- Только об этом я и беспокоился.
- Очень напрасно, у нашего театра нет такой проблемы, сами увидите.

Премьеру назначили на 17-е февраля. Афишы расклеили в двух местах: возле служебного входа, через который проходили сотрудники, и у основного входа, предназначенного для зрителей. Писатель жаловался, что этого мало, но режиссер снова его успокоил и посоветовал особо не нервничать. «Я же говорил, что будет аншлаг, значит, будет, не переживай», – сказал он.

Осенью прошлого года молодому писателю по меньшей мере раз в неделю приходилось наведываться в театр за решением Худсовета. Связаться с главным режиссером, после первого звонка сменившем номер, оказалось крайне затруднительно. Писателю не оставалось ничего иного, кроме общения с театральным сторожем. Ему он и вручил свое произведение, точнее, ему велели оставить папку у охранника и у охранника же узнать о результате. Охранником был низкорослый старик с поредевшими волосами и глазами как щелки. Каждый раз при виде молодого парня он говорил одно из двух: «в театре серьезная репетиция» либо «труппа готовится к гастролям», и советовал прийти в следующий раз. Старик говорил «нет» таким образом, что оно вовсе не походило на отказ, и именно скрытая в этом ответе надежда побуждала писателя снова и снова на протяжении долгих месяцев приходить в театр. За это время он просмотрел все вошедшие в репертуар вещи уже покойных или зарубежных драматургов. Каждый раз после спектакля его мучил вопрос, который он наконец-таки решился задать старику:

- Почему в наших театрах всегда ставят уже умерших писателей?
- Видимо, потому, что никто из живых театру не интересен, – ответил шутливо старик.

Наконец в один из холодных февральских дней старик сощурил и без того узкие глаза и сказал: «День, которого ты так ждал, настал. 17-го числа премьера произведения живого писателя, отличная комедия, отзыв Худсовета можешь забрать после спектакля».

Молодой человек еще не видел в театре такого столпотворения: зал был набит битком, яблоку негде было упасть, даже в ложах поставили дополнительные стулья. Кассирша, всегда встречающая его с улыбкой как редкого завсегдатая, на этот раз сожалела, что все лучшие места раскуплены заранее. Ему еле-еле удалось отыскать себе местечко в последнем ряду третьего яруса амфитеатра. За всё это время он так пригрелся в театре, что узнавал обычно всех зрителей в лицо. Порой он думал, что зрители этого города, как и актеры, в большинстве случаев бессменны.

Например, в Азербайджанский академический театр ходят мужчины в костюмах и в галстуках и женщины с бесполойными лицами, в Русский драматический – многочисленные мужчины в поношенных джинсах и непременно целующиеся друг с другом пожилые женщины с маленькими желтыми и белыми букетиками в руках. Учеников средних классов, недавно познакомившихся влюбленных, курсантов военных школ зачастую можно было увидеть либо в театре юного зрителя, либо в мюзикомедии. Кроме студентов Университета Искусств, толпами стекающихся во все театры и обла-

дающих правом проходить без билета, с каждым отдельно взятым зрителем он сталкивался только в каждом отдельно взятом театре. Словно даже у пустующих в зале мест имелись свои призрачные владельцы, и театры поделили между собой зрителей на основе «джентльменского соглашения», чтобы никто не остался в обиде. И все беспрекословно соблюдали это неписаное соглашение, над которым не было властно даже само время. Но на сей раз сложилась совершенно иная картина, он без устали всматривался в лица мужчин в костюмах и беспокойных женщин, но ни одного знакомого лица так и не увидел. Видимо, проведая, что впервые ставится вещь живого драматурга, люди решили не упускать такого шанса.

Кроме него, все зрители в последнем ряду третьего яруса были в очках с толстыми стеклами. Вообще количество людей в очках было столь велико, что, казалось, сегодня покажут не спектакль, а фильм в формате 3D. Как обычно, третий звонок прозвенел на полчаса позже, поднялся занавес и о, Боже... Все выглядело таким ярким и величественным, перед глазами открывался ослепительный вид, напоминающий какой-то гигантский мегаполис; на заднем фоне беспрестанно крутилось чертово колесо, а старые кремлевские куранты отсчитывали время назад – поначалу он воспринял это как олицетворение современности и историзма, но вскоре понял, что всё это не более, чем мишура. Актеры играли как следует, как только на сцене появлялись признанные мастера комедии, от хохота зрителей закладывало уши. По правде говоря, артисты ничего особенного не произносили, точнее, сами не знали, что говорят, для компоновки бессистемных, несвязных диалогов над сценой порхали каскадеры, проделывая всевозможные опасные трюки, внезапно из зала на сцену выпрыгивали обернутые в саван люди, кувыркались по сцене, время от времени спускались в зал и щекотали зрителей. Когда в центре сцены встал серьезной внешности актер, прославившийся пафосными ролями, молодому человеку подумалось, что он наконец-таки услышит сокрушительный монолог, призванный разъяснить всё это сумасбродство. Но серьезной внешности актер устремил вдаль свои глаза под густыми бровями, выждал паузу, пикнул и ушел. Зрители смеялись до слез, будто того и ждали, раскаты смеха отдавались в голове молодого человека страшным гулом. Он прочел немало книг о театре, вызубрил теорию драматургии, как таблицу умножения, просмотрел сотни спектаклей и точно знал: действие на сцене должно вызывать либо смех, либо слезы, или же должно заставить задуматься. Однако он не испытывал ни одного из этих чувств.

Пару лет назад, смотря «Короля Лира» в этом же театре, он столкнулся с почти такой же неразберихой, а после представления узнал, что проблема вовсе не в нем. Когда король выкрикнул слова о том, что младшая дочь недостойна его любви, пожилые мужчины в первом ряду покатались со смеху. Затем эти же мужчины до упаду смеялись вплоть до финала трагедии, не обращая никакого внимания на неоднократные просьбы контролерш. Только во время антракта из разговоров девушек-контролерш он понял, что в этот день спектакль ставился для жителей дома престарелых. «Им сказали, что ведут их на комедию, потому они и смеются, что бы там ни показывали», – сказала одна из контролерш. Сейчас он столкнулся со схожей ситуацией, на сей раз действительно давали комедию, но почему смеялись все, кроме него?

Трехчасовое мучение подошло к концу, и творческий состав стал по двое, по трое выходить на сцену; артисты кланялись под продолжительные аплодисменты и в конце образовали на сцене треугольник; появившийся из непроглядного мрака главный режиссер прошагал прямо до центра треугольника, и в этот момент люди стали хлопать еще оглушительней. Все выглядели крайне счастливыми. Режиссер поклонился несколько раз, затем протянул руку в сторону зала, настойчиво приглашая

кого-то выйти на сцену. Но этот «кто-то» либо не понимал происходящего, либо проявлял невиданную скромность. Однако по мановению режиссерской руки двое молодых артистов, стоявших до этого, как солдаты, навтыяжку, побежали в зал, взяли под руки сидящего то ли в шестом, то ли в седьмом ряду низкорослого мужчину средних лет и потащили на сцену. Сидящий в последнем ряду третьего яруса молодой литератор с трудом, но всё-таки узнал живого автора, стоящего теперь в обнимку с режиссером.

Это был тот самый человек, заполнивший осенью прошлого года своими рассказами целую полосу в газете, где также шло интервью режиссера. В ту пору молодой автор разозлился на критика-графомана, представившего этот набор слов в качестве рассказов, но потерянную было надежду он отыскал в мыслях режиссера, ищущего молодые таланты. Теперь, видя в обнимку этих двоих, он подумал лишь об одном: «если это и есть живой писатель, то я давно уже мертв...»

– Это театр?..

– Хорошо, что это театр, жизнь гораздо хуже.

Он не ожидал от старого сторожа такого ответа на свой вопрос, который невольно сорвался с губ у порога служебного входа.

– Почему у нас всё так странно? – снова невольно сорвался вопрос.

– Знаешь, что странно? – промолвил старик и добавил: – Жизнь продолжается. Нельзя падать духом, будь стойким. Взять вот меня, тридцать лет назад я бросил курить, а сорок лет назад – писать.

– Вы писали?

– Еще как...

– Почему же бросили?

– Скоро ты сам всё поймешь. Знаешь, есть сотни причин для того, чтобы писать, но вот бросают это дело одинаково – тьфу, и дело с концом.

Старик не спешил передавать парню лежащую на столе бумагу. Ему хотелось рассказать пару театральных баек, пошутить, чтобы подготовить молодого человека к ответу Худсовета, но не вышло. Он мог бы проговорить с молодым человеком обо всем на свете хоть до самого утра, но февральский мороз отсекал всякую романтику.

– Сегодняшний спектакль ставился для членов общества слепых, – сказал старик, – раз ты слеп, остается только хлопать в ладоши. Знаешь, слепые аплодируют громче зрячих, чтобы никто не догадался об их увечности.

Парню больше не хотелось о чем-либо спрашивать, говорить ради чего-то. В эту февральскую ночь он в одиночестве постиг истину, которую никогда не решится озвучить – быть мертвым здесь лучше, чем живым...

Не поднимая головы, он оставил театр позади и вышел на улицу.

– Какого драматурга ты больше любишь? – казалось, старик старается досказать самые действенные слова утешения.

– Мольера, – послышался голос из тьмы.

– Какое совпадение! Сегодня день смерти Мольера.

– Нет, сегодня день убийства Мольера... У всех на глазах, под оглушительные аплодисменты слепых, – сказал голос и растворился во тьме.

Май, 2018

Потерянная голова

Весть о том, что возле прибрежной полосы, там, где сточные воды города вливаются в море, найдена отрезанная человеческая голова, обрадовала меня, словно путешественника, который после долгих мытарств наконец-таки отыскал в пустыне воду. Я уже готовился вскинуться с места и выкрикнуть «ура», но шеф меня опередил; по блеску в его глазах, под которыми проступали мешки от привычки дремать днем, я понял, что он тоже в курсе дела и радуется не меньше моего.

– Слышал...

– Да, да, – отвечал я, торопливо собирая сумку, точнее, мы не говорили, а просто издавали отрывистые звуки. Мы долгие годы проработали бок о бок, и это сформировало у нас интересные профессиональные привычки, среди них мне больше нравилось понимание друг друга с полуслова.

– Ты же знаешь...

– Да, да...

– Надо хорошенько копнуть, поглубже...

– О´кей, о´кей.

– Успеешь?

– Йес, йес!

– Ну, давай!

– Давай-давай! – с заданием всё было ясно, не теряя времени я должен был первым успеть на место происшествия. Невероятно... отрезали человеческую голову... настоящую человеческую голову... Йес! Этот односложное восклицание вырвалось не у меня, а у шефа, и он вложил в это слово яростную страсть футболиста, которому удалось на последней минуте второго тайма наконец-таки открыть счет.

Я никого не увидел на месте происшествия, и меня охватил озноб: «О, Господи, неужели я опоздал?». Я весь просиял от радости, когда спустя некоторое время увидел, как устало плетется ко мне давно знакомый участковый.

– Где голова? – вымолвил я, и сам испугался своего голоса.

– Здорово, – участковый поздоровался так уверенно и размеренно, будто тут убийством и в помине не пахло.

– Голова!

– Увезли...

– Куда?

– В столовую... Да в морг, куда ж еще!

– Из наших кто-нибудь был?

– Нет, ты подоспел первым.

– Отлично! – не теряя ни минуты, надо было мчаться в морг, но...

– Погоди-погоди, как это «отлично»? Тут человеку голову отрезали, а ты говоришь «отлично»? Мне ваша профессия совсем не нравится, вы деньги на проблемах людей зарабатываете, а потом на эти деньги своим детям хлеб покупаете...

– Ну ладно, ладно, не задерживай меня...

– Но, между нами говоря, шикарная была голова, – сказал мечтательно участковый, а я, услышав эти слова, застыл, как вкопанный.

– Да ты что, ты ее видел своими глазами?

– Своими, своими. И своими же руками опустил ее в мешок...

– И какая она была?

– Да ты натуральный маньяк!

– Ради Бога, опиши... умоляю... что в ней было шикарного?

– Вот я влип... Не похожа была эта голова на голову нашего брата, по крайней мере, такова моя версия. Она напоминала, как бы это сказать, голову Маркса. Ну ты же знаешь Маркса? Что еще добавить, очень умные глаза, правда, глаза мертвеца, но ведь не у каждого мертвеца такие глаза? На лбу четыре глубокие продольные морщины, наверное, человек мыслящий, начитанный... Погоди, ты чего? – пока участковый рассказывал, я успел достать блокнот и сделать заметки. Он так живо всё это описывал, что отрезанная голова встала перед моими глазами во всех подробностях.

– Делаю заметки...

– Какие еще заметки?!

– Дам от твоего имени...

– Ты чего это ерунду несешь? У меня семья, дети, братец, не создавай мне проблем! Знаешь что, давай уходи отсюда, на место преступления заходить нельзя! Отойди!

– А что тут такого, я имею право получить информацию.

– А у меня есть право на молчание, иди дожидайся официального заявления.

По сути, я собрал достаточно информации на начальном этапе, вместо фотографии в крайнем случае можно дать голову Маркса, обработанную в фотошопе. Я помчался в морг. В спину мне несся смешанный с удушающей морской влажностью голос участкового: «Эй, будь мужчиной, ничего не пиши от моего имени... не создавай мне проблем... будь мужчиной...»

Однако я был журналистом. После двухмесячной летней «засухи» августовская новость об отрезанной голове станет исключительным событием на первых полосах СМИ. Если мы приложим усилия и, как выражается шеф, хорошенько «копнем» вокруг да около этой новости, и взорвем все рейтинги, то вне всяких сомнений рекламодатели выберут именно нас для продвижения собственной продукции. В газету, которая лучше других «раскопает» новость об отрезанной человеческой голове, потечет как из рога изобилия самая разная реклама – от женского белья и мужских носков до детских памперсов и сортов жвачек. После смерти старика, продававшего семечки в кульках из газетных страниц, и закрытия последней пивной, подающей клиентам отварной горох в сложенных из таких же страниц треуголках, наш шеф тоже откликнулся на требования текущего времени и сменил бумажный формат на электронный. Теперь мы работали на сайте; это оказалось удобнее, мы строчили новости в автобусе, метро, по дороге, одним словом, где придется, и в ту же минуту размещали на сайте, обходясь без дополнительных расходов. Сведения, полученные от участкового, я по пути в морг второпях набросал в автобусной давке и отправил шефу, а спустя четыре минуты на телефон пришло сообщение «надо быть мужчиной!». Это был участковый, значит, шеф с молниеносной скоростью разместил материал на сайте, и я уже успел получить первый читательский отзыв.

Перед моргом яблоку негде было упасть, одни вывозили трупы, другие привозили. Мне не встретилось ни одного знакомого лица, судя по разговорам присутствующих, тут не было ни одного моего коллеги, мне и на сей раз удалось оказаться первым. Я подошел к стоящему на пороге и оглядывающему собравшихся напряженным взглядом контролеру.

– Что слышно о голове?

– Какой еще голове?!

– Человеческой.

– Ты чего, сумасшедший?

– Нет, я журналист.

– А, всё ясно... та самая голова...

– Да-да, та самая...

– Ты уже сам всё написал, это мужская голова.

– Ты сам видел?
– Я своими руками положил ее в холодильник.
– А дальше?
– А дальше она привет передавала.
– Что?
– Да отстань ты наконец, чего прилепился как банный лист.
– Дайте информацию.
– Губа не дура! Пускай хоть сначала за ней придут близкие... Ладно, раз уж пришел... Отрезана очень аккуратно. Настолько аккуратно, что мне кажется, ее хозяин не успел даже спохватиться. У головы мутно-голубые запавшие глаза, устремленные куда-то вдаль. На лбу четыре продольные морщины, она больше похожа не на Маркса, а на Энгельса – борода слишком густая.
– Какова предварительная версия?
– Какая еще версия?
– Почему ее отрезали? Где тело?
– Мне кажется, ее отрезали потому, что она была чересчур умной. Да, это моя версия. Что касается тела, кому нужно тело без головы?
– Как тебя зовут?
– Зачем тебе?
– Дам информацию от твоего имени.
– Что?! Ты всё это время новости строчил? Вот я влип! Слушай, если дашь что-нибудь от моего имени, я сознаваться не стану. Я тебя вообще не видел. Ну и ну, какие всё-таки эти журналисты проныры.

«Учти, я ничего не говорил!», – возмущенный голос охранника преследовал меня до тех пор, пока я не затерялся в собравшейся перед моргом толпе. Но было уже поздно, диктофон в моем нагрудном кармане работал исправно, и я, даже не прослушав, отправил шефу на имэйл запись разговора. Примерно через семь минут слышится оглушающий вопль охранника: «Какие эти журналисты проныры!».

Придя в редакцию, я услышал, что фирмы, продающие киндер-сюрпризы и зубные пасты, срочно затребовали наш прайс-лист и попросили выделить им место для размещения рекламы. В офисе всё бурлило и кипело, прервав заслуженный отдых, на работу вышли даже находящиеся в отпуске сотрудники. Меня встретили как настоящего героя. Шеф стиснул меня в объятиях, не переставая кричать «йес, йес!», и я решил, что новость об отрезанной голове прочитана около миллиона раз, но, оказывается, я ошибался, число читателей давно перевалило за миллион.

– Наверно, сами знаете... – громко сказал шеф, обращаясь к сотрудникам.
– Да, да... – чуть приподняв головы, откликнулись наши сотрудники, с молниеносной скоростью щелкающие по клавиатуре компьютеров.
– Надо хорошенько раскопать вокруг да около...
– О´кей, о´кей.
– Всесторонне, так сказать...
– Йес, йес!
– Ну, давайте!
– Ладно, ладно!

В ходе этой мимолетной летучки каждый получил необходимый для себя сигнал, и все, не теряя драгоценного времени, погрузились в работу. Каждый должен был максимально глубоко, как можно глубже копнуть новость со своей стороны. Ребята из международного отдела связались с пресс-секретарем террористов с Ближнего Востока, сделавших себе имя по части обезглавливания. Ребята надеялись, что обезглавливание – монополия этой террористической группировки, и, возможно, по этой причине группировка возьмет на себя ответственность за преступление.

Однако версия себя не оправдала. Пресс-секретарь головорезов близко ознакомился с параметрами головы, уточнил кое-какие технические показатели, а затем высказался коротко и решительно: «Голова отрезана очень аккуратно, мы покамест не располагаем такой техникой». Мы решили, что опровержение – тоже новость, и разместили материал на странице, и таким образом включили бесхозную голову в международный контекст.

Наши сотрудники из гуманитарного отдела включили свою креативность и решили отыскать владельца головы. Естественно, они руководствовались в поисках своими креативными методами. Они подготовили опрос на тему: «Разве никому не нужна умная голова?». Научные организации ответили отказом, а одна клиника заявила, что ищет донорскую печень. Шеф поначалу удивился этому странному опросу, но огорчать ребят не стал, креативности ради мы разместили на сайте и этот материал.

Задержка официального заявления, как всегда, развязала нам языки и руки, каждый продолжал вносить свою лепту в глубокую и всестороннюю раскопку новости. Наши репортеры, прервавшие свои отпуска и вышедшие на работу, делали опросы на всех главных улицах города. Охваченные ужасом простые граждане требовали скорейшей поимки и наказания головорезов, просили Всевышнего смилостивиться над лишенным головы телом. Дела портили сайты конкурентов, все эксклюзивные материалы выходили у нас, а они перепечатывали наши тексты без ссылок на первоисточник, выдавая за своё, короче говоря, имитировали, как только можно. Один из сайтов, наступающий нам на пятки в гонке за новостями, ссылаясь на компетентный источник, пожалавший остаться неизвестным, подтверждал, что голова действительно представляет собой мужскую голову с густой бородой и четырьмя продольными морщинами на лбу, но подчеркивал, что она лысая, а чуть спустя этот самый сайт, и вовсе растеряв стыд и срам, дал информацию о том, что она напоминает голову Ленина. Мы не стали опускаться на их уровень и спорить с ними, вместо этого шеф выступил с экстренной колонкой. Вот это да! Признаюсь, что я фанат его пера, одной мелкой деталью он создает такие мощные публицистические эффекты... Одним словом, шеф своим пером творит чудеса. Так вышло и на сей раз, шеф обратился к коллегам и упрекнул их в том, что они делают шоу из людской трагедии, гонятся за рейтингом, он призвал всех соблюдать этические нормы, передавать сбалансированную, точную, правдивую, честную информацию.

После появления колонки шефа наши сотрудники из гуманитарного отдела отыскали где-то парапсихолога и устроили с ним прямой эфир с нашей странички в социальной сети. Парапсихолог завел речь об истории обезглавливания как меры наказания, схожих и отличительных чертах восточной плахи и западной гильотины. Оказывается, отсечение головы по сравнению с сожжением на костре более гуманное наказание. Затем он направил внимание на то, с какой аккуратностью была отсечена голова, и принялся уверять, что такое мастерство говорит об изысканности палача. Парапсихолог в течение битого часа говорил столь хорошие слова о «щадящей» природе этой меры наказания, что так и хотелось склонить покорно голову на плаху.

Под вечер наш технический директор подскочил, как ужаленный, и принялся кричать; крепко стиснув кулаки, он несколько раз проорал «йес! йес!», пока не проступили вены и артерии на его шее и горле. Посещаемость сайта достигла десяти миллионов! В столпотворении поздравляющих друг друга сотрудников мой взгляд выхватил лицо шефа, мне показалось, что он плачет. А ведь о том, что реклама только-только входящих на рынок памперсов с крылышками дадут нам, только подлила масла в огонь, так что радости нашей не было предела. Наконец-то! Это – пик рейтинга: в августовскую жару, когда ровным счетом ничего не случается, а случаемое обычно представляет собой не более, чем сухие, серые новостные сводки, нам удалось сорвать пальму первенства!

До самого конца лета шумиха, поднятая отрезанной головой, оставалась основной темой СМИ. Мы занимались раскопкой гигиеническо-эстетических, религиозно-нравственных аспектов обезглавливания. На форумах шли яростные споры, все только и делали, что обсуждали наши новости. Не спадала читательская заинтересованность, наоборот, по прошествии времени она превращалась в какую-то дикую страсть и вдохновляла нас на выдумывание всё более немислимых вариаций. Порой мне казалось, что эту голубоглазую, бородатую гениальную голову с морщинами на лбу отрезал вовсе не палач, а сами обыватели, чтобы испытать прилив адреналина, вроде римлян, наслаждающихся боями гладиаторов. Мы прекрасно понимали, что публикация фотографии отсеченной головы не соответствует этическим принципам, но, тем не менее, на протяжении всего августа повторяли это, как минимум, дважды в день. «Этого хочет социум», – шеф отыскал хорошую формулу, призванную защитить нас от упреков представителей околосвяческих наук, считающих себя общественными активистами. По сути, всё так и обстояло: плохие новости – убийства, теракты, насилие, самоубийства – читались лучше, и потому наш нюх был натаскан именно на такие происшествия. Наши сердца обливались кровью при виде того, как катится в пропасть рейтинг, когда убийств и насилия становилось меньше, ведь мы выбивались из сил, чтобы он полз вверх. И именно в такую трудную пору была отрезана человеческая голова... В этом деле имелось два запутанных момента, играющих нам на руку: во-первых, никто до сих пор не предъявил прав на голову, а во-вторых, ничего не сообщалось о ходе следствия. Ходили одни только пугающие слухи со ссылками на источники, пожелавшие остаться неизвестными. Конечно, мы учитывали интересы общества и даже слухи подавали как новости. Стоило хоть немножко передохнуть, как наши конкуренты тут же выхватили бы эстафету.

«В городе всё спокойно, никому голову не отрезали, это всего лишь слухи», – говорилось в лаконичном официальном заявлении, наконец-таки данном в последний день уходящего августа. Никто удивляться не стал, так как многолетний опыт научил нас: если официальное заявление задерживается, жди опровержения либо чего-то еще в этом роде. После этого мы пустили в ход традиционную тактику, то есть все, стараясь сбросить с себя ответственность, начали выяснять, какая газета первой опубликовала новость, однако первоисточник терялся в непроглядном тумане. Мы не стали возвращать деньги, полученные за рекламу киндер-сюрприза и памперсов с крылышками, да и требовать этого никто не стал.

Августовская засуха, впитавшая в себя летнюю жару, осталась позади, приближался новый газетный сезон, овеянный прохладным осенним дыханием. Весть о том, что поблизости гигантской приморской свалки найдено обезглавленное тело, обрадовала меня, как матроса, увидевшего сушу с мачты корабля, долгие месяцы блуждавшего в просторах океана. Я уже готовился вскинуться с места и выкрикнуть «ура», но шеф меня опередил:

- Слышал...
- Да, да...
- Надо хорошенько копнуть, поглубже...
- О'кей, о'кей.
- Успеешь?
- Йес, йес!
- Ну, давай!
- Давай-давай!